

Л. П. Киященко

Мифопоэзис научного дискурса*

Все пути мысли более или менее осязаемым образом загадочно ведут через язык.

М. Хайдеггер

1. Проблематизация современных способов научного познания вынуждает внимательней относиться к тому пространству и к той временной ситуации, где она (проблематизация) возникает. В благополучные времена этот хронотоп выведен за границы научного знания, ненаблюдаем для методологической рефлексии классического типа. Лишь благодаря проблематизации (кризис науки) пространство перепроверки старых и формирования новых взаимоотношений (границ) научного знания с вненаучным опытом обнаруживается как языковая среда, в которую погружен и формирующийся предмет дисциплинарного знания, и коммуникативно взаимодействующая с ним методологическая рефлексия. В этой среде мы попадаем в ситуацию неопределенности и гипотетичности, что является необходимым условием ее креативной «поэтичности» — способности к производству форм упорядоченного знания из языкового «хаоса». Синергетически понимаемое событие подобного рода произведения терминологически обозначается нами как «мифопоэзис научного дискурса».

2. Прежде всего, речь пойдет о трансформации традиционного статуса гносеологического субъекта, о необходимости явного учета в его познавательной деятельности не только рафинированных научных методов и представлений, но и вненаучных познавательных форм. Субъект познания современного естественнонаучного знания все более отчетливо приобретает дополнительное социогуманитарное измерение, учитывающее его

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 01-03-00047.

личную историю (биографию) и особенности культурной среды, в которой ему довелось жить. Стремление к рельефной прописи некогда отбрасываемых в качестве несущественных подробностей контекстуальных характеристик лица действующего в познавательной ситуации отнюдь не означает гибели субъекта и не ведет к его элиминации из гносеологического дискурса*.

Сегодня все более становится очевидным, что существует нужда восполнить аналитическую дуальность**, восстановить синкретическую целостность личности принимающего ответственные решения ученого-исследователя. «Требуемый синкретизм (т.н. «суверенность», «целостность личности») во взглядах на индивида, для которых остается латентным противоречивый характер его поведения ввиду следования зачастую противоречивым нормам отдифференцированных систем действия, и является необходимым условием мифологической ориентации»¹. Аналитическое и мифологическое, продолжает А.Ю.Антоновский, являются двумя принципиальными способами ориентирования в мире или, точнее, это один схематизм, где возможен выбор между двумя интерпретациями в себе тождественного мира. «Выбор одного полюса ориентирования не отрицает другого, а нагружает ценностью соответствующую интерпретацию, обеспечивает понимание (консенсус) в коммуникации между сходным образом ориентирующимися коммуникантами или, наоборот, провоцирует конфликт»². Выбор мифологического типа ориентации в мире и соответствующих способов его представления может быть обусловлен не только необходимостью восстановления синкретической целостности субъекта познания.

Эта нужда обусловлена также и тем немаловажным обстоятельством, что сегодня новое знание рождается на стыке наук. Объединение разного типа знаний осуществляется не столько по логике заранее данного (дисциплинарного) объекта, но и по

* См. полемически заостренную статью В.Н.Поруса ««Конец объекта» или пострелигиозная культура» // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РГХИ, 1999.

** «С одной стороны, это человек, стремящийся к добросовестному исполнению роли, в репликах которой полностью исчезают следы его личной субъективности (ученый говорит от имени Разума!), с другой стороны, он же — суверенный индивид, личность с интеллектуальной и моральной рефлексией, несущий ту ответственность, какую нельзя переложить на Разум. Ипостаси эти неслиянны и нераздельны». В.Н.Порус «Парадоксы научной рациональности и этики» // Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996. С. 169.

решаемым проблемам — по логике и законам познавательной проблемно ориентированной деятельности. Деятельность, как правило, строится целенаправленно. Целенаправленность действия, помимо прочего, задается еще и тем обстоятельством, что процедура объяснения (как и почему деятельность принимает такой вид) должна обеспечивать понимание. Познавательная деятельность по существу своему должна одновременно и ориентироваться, и содержать в себе как предпосылку необходимость сведения воедино единичного (понимания) и общего (как способа и общепринятого объяснения). Такого рода представления, возникающие в рамках научной работы, и называют «мифогенными идеями». По мысли В.Депперта, такие идеи могут восходить к мифу или оказаться новообразованиями, возникшими в истории мысли. «Какие основания имеются для того, чтобы искать мифические формы мышления в естествознании? Разумеется, — говорит В.Депперт, — я далек от намерения пропеть ностальгическую песнь о несокрушимости мифического мышления. Задача состоит в том, чтобы прояснить предпосылки научной работы, с тем, чтобы изменить целеполагание научного исследования и иметь возможность управлять им. Судя по всему, вновь назрела необходимость выяснить основания науки перед лицом угрозы самому существованию человечества, в возникновении которой участвовала и наука»³.

Перенос тематики на проблему мифа, как считает К.Хюбнер, неизбежно следует из самого развития теории науки. В конце книги «Истина мифа» он выражает надежду, что «в будущем можно представить себе только одну культурную форму, в которой наука и миф не будут ни подавлять друг друга, ни существовать раздельно, но вступят в некоторые опосредованные жизнью и мыслью отношения». Отношения, которые могут сложиться на том основании, что миф, как и наука, не отлучен от притязаний на рациональность⁴.

При этом следует добавить вслед за Хюбнером, что миф в данном рассмотрении берется не как сказка Проппа и не как тот миф, который с иррациональной враждебностью относится к науке и технике. Речь в этой статье пойдет о мифе как собственной «поэтической» среде научной деятельности. В нем рождаются и гибнут соответствующие (мифогенные) познавательные формы, изобретаются, преобразуются и отвергаются нормы и идеалы научного познания. Им как бы заполняются прорехи и нестыковки научного прогресса, которые стали очевидны в наше время в качестве свидетельств кризиса науки.

3. Обратим внимание на такие моменты *становления современного научного знания*, которые носят следы самоорганизации, внутреннего упорядочивания, и на роль языка в этом процессе. Поскольку именно язык дает возможность отследить связь между эффектами самоорганизации научного знания и способом участия (непосредственного и опосредованного) в этом становлении человека. Таким образом представленное становление современного научного знания, как можно надеяться, даст возможность содержательного синергетического отслеживания присутствия человека так, что и реальность, и знание о ней очевидным и ближайшим образом становятся человекомерными.

Роль и значение языка в отслеживании подобных синергетических эффектов, его собственная в этой связи самонастройка особенно возросли в тех областях современного естествознания, чей опыт перешагнул границы языка науки классического образца. «Проникнув с помощью современных технических средств в новые сферы природы, мы узнали, что даже такие простейшие и важнейшие понятия прежней науки, как пространство, время, место, скорость, становятся здесь проблематичными и требуют переосмысления. Подобно затупившимся инструментам, понятия нашего языка по отношению к новому ускользающему от них опыту оказываются уже не корректными»⁵.

Проблематизация языка науки особенно замечается тогда, когда в науке становится слышим гул голосов несопадающего, множественного «разноречья». Когда некогда общепринятая научная парадигма начинает очевидным образом менять свою конфигурацию и способы своего применения.

Кроме того, язык заявляет о себе тогда, когда эксперименты научного знания перешагнули границу наблюдаемости и нам надо учиться выходить тут из положения, не опираясь на наглядность⁶.

Язык науки в этой ситуации теряет свою прозрачность, устойчивую идентичность самому себе. Проблематизация языка науки вынуждает рассматривать его в единстве взаимоисключающих качеств, совмещающем в себе как идеальное, так и материальное, умопостигаемое и чувствующее, как выражающее, так и выражаемое, и тому подобные дихотомии.

Возникшая ситуация является отражением того обстоятельства, что современная наука подошла к тем рубежам, «где естественный горизонт начинает ощущаться искусственным пределом»⁷, где ставится под сомнение принятая «общность» имено-

вания, нормальность употребления конкретного языка в данном времени и месте. Возникает ситуация «законности» атонии и афазии, провоцируя возвращение к изначальному творящему слову, как бы вновь называемому слову. Легитимность первичных обобщений обладает нежной автономией, поскольку она не директивна, а дискурсивна, чтобы их понять, нужно участвовать в процессе возникновения.

Творящее слово пребывает в начале, пока сохраняет восприимчивость, слышит вопрос того, что осталось несказанным, предвосхищает ответ со стороны другого возможного слова⁸. Оно позитивно ориентировано первичной внятностью в пра-диалоге «первичных кодов эмпирических порядков». Ведь дело здесь идет о сопоставимости и совместимости конкретных содержаний; нет ничего более зыбкого, более эмпирического, чем попытки установить порядок среди вещей*. Порядок, по преимуществу, устанавливающий подобие, аналогичность, эквивалентность — знаки первичных удостоверений. Специфика такого рода знака состоит в том, что он аналогичен собственному имени. Знак такого рода появляется на свет в результате семиозиса особого типа номинационного, «когда знаки не приписываются, а узнаются и самый акт номинации тождественен акту познания»**. Собственное имя, по утверждению авторов статьи «Миф — имя — культура», обладает неконвенциональным характером, при котором происходит отождествление названия и называемого, выявляя тем самым его онтологическую сущность. Каждая вещь воспринимается как нерасчлененное на признаки целое***, она сама

* В данном случае речь идет о таком порядке, который «задается в вещах как их внутренний закон, как скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка; в своей глубине порядок обнаруживается лишь в пустых клетках этой решетки, ожидая в тишине момента, когда он будет сформулирован». См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 36-37.

** Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф-Имя-Культура // Труды по знаковым системам. VI. Вып. 308. Тарту, 1973. С. 295.

*** Там же. С. 286. Выявляя особенности функционирования такого рода знаков, они отмечают, что система собственных имен образует не только категориальную сферу естественного языка, но и особый его мифологический слой. Сохранение и совмещение последнего с не мифологическим, противоположно организованными семиотическими структурами, является, видимо, неизбежным законом многоканальности общественной коммуникации.

подает знаки, вещает о себе, совмещая в себе онтологию и знаковую. Названная вещь в упакованном виде содержит двойственность — вещи и имени, знака и его значения, — при «переводе» которой на язык отношений становится понятным творческий характер слова имени.

4. Язык предметных знаков не символизирует собой ни просто человека или просто природу. Он одновременно объемлет собой обоих, относясь к языку той связи, от которой они оба изначально производны⁹.

Человекомерность реальности, объективный подход к которой раньше гарантировала наука, обнаруживается также в ситуации, часто наблюдаемой за последнее время, размывания ее (науки) устойчивых дисциплинарных границ.

Предмет дисциплинарного знания теряет свою былую устойчивость и приобретает очертание ускользающей предметности¹⁰. Последнее особенно заметно в междисциплинарной коммуникативной практике, в область которой переместился в определенной степени интерес современного научного знания, где в режиме реального времени идет общение, в ходе которого наряду с выявлением «общего» одновременно происходит уточнение особенного, различного. «Без речи не может быть сообщества людей; нет, однако, ничего более мешающего такому сообществу, чем различие языков»¹¹.

Интерес к междисциплинарной коммуникативной практике в философии науки может быть объяснен двояко. Во-первых, это исторический интерес, который направлен как бы на воспроизведение (реинкарнацию) той удаленной во времени ситуации, когда формировалась взаимозависимая общность людей, общение и его язык в момент зарождения научного знания. Во-вторых, актуальный интерес обусловлен *двумя обстоятельствами* реальной ситуации, складывающейся в философии науки: обсуждение особенностей становления новой научной парадигмы. Обсуждение, общение по ее поводу вышло за рамки приватного дела самой науки и приобрело характер поиска общекультурного консенсуса, согласия по поводу того, что считать научным знанием, каковы его современные нормы и идеалы. Общекультурный диалог становится все более очевидным и проявляется как сама суть возникающей парадигмы. *Это первое обстоятельство*.

А второе — актуализировано поиском и утверждением обозначения (придания имени) этой основной тенденции современного научного исследования.

5. Одним из претендентов на обозначение такого рода деятельности в незатихающих дискуссиях (опять-таки в ходе междисциплинарной коммуникации) все более заявляет о себе такое направление в научном исследовании, как синергетика. Становящуюся парадигму постнеклассической науки можно назвать синергетической, учитывая как становящийся характер самого этого направления, так и его основной научный интерес к идее становления для интерпретации происхождения различных порядков из хаоса¹². А также еще и потому, что философское осмысление этого направления научной мысли движется в контексте междисциплинарных практик, особенно в области встречи и контактов естественнонаучного и социогуманитарного знания¹³.

«Нормы рациональности, операциональные методы и модели воображения определяют тип понимания и объяснения знания в тот или иной период», оформляя содержание, фиксируя его в виде целостного, то есть единого и отграниченного образа изучения ситуации. Этот образ, или аналогия, метафора, символ и т.п. заимствуются из имеющегося арсенала культуры¹⁴. Синергетика как научноисследовательское направление в науке и философии науки как по своей сути, так и по названию, как представляется, отвечает основным тенденциям в развитии современного научного знания и в определенной мере ее можно считать образом такого рода.

Именно синергетический подход позволяет представить, совместить традиционную ориентацию объяснения (причинно обусловленного знания) в современном научном познании с пониманием (историко-герменевтическим знанием) и общением (действенно-практическим знанием). Допущенное в научный дискурс на равных с объяснением понимание через общение имеет необратимое последствие для самого научного знания. Оно получает дополнительное измерение и удовлетворяет общему экзистенциальному стремлению человека к укоренению себя в мире, понимая себя самого с помощью научного дискурса, который в какой бы области и на каком бы материале ни строился — будь то в «объективном» опыте или чисто в «субъективном» представлении, — являет собой вполне определенный способ «синтеза многообразного», сведения воедино и взаимного упорядочивания восприятий и представлений о мире в целом. Можно сказать и по-другому: понять себя, чтобы приобрести устойчивость в изменяющемся мире.

Другими словами, объяснение в современной науке ориентировано пониманием и общением, которые дополнительным образом соотносятся с традиционным толкованием научного объяснения классического типа. Последний в контексте современного научного дискурса приобретает значение некоторой устойчивой, общепонятной (общепринятой) системы отсчета, по отношению к которой можно отследить появление нового. Современный научный дискурс, нацеленный на получение нового знания, нового смысла, вершится всегда с оглядкой на ту традицию, от которой он отказывается, но которая дает ему возможность себя распознать в новом. То, что вкладывается сегодня в понимание научного дискурса, находится между ориентацией на коммуникативную рациональность и ориентацией на объективное познание классического образца. «Находиться «между»» предполагает учет двух указанных пределов — образующих координат современного научного дискурса в его понимании понимания.

В.Гейзенберг, анализируя события, которые складывались как внутри естествонаучного знания, так и за его пределами, свидетелем которых он явился, соотносит их с теми традициями, которые формировались в истории становления научного знания. Первый шаг, как он считает, устанавливающий впервые истинное значение слова «понимание», был сделан в платоновской философии. К истинному пониманию можно прийти, только применяя точный, логически замкнутый язык, поддающийся настолько строгой формализации, что возникает возможность строгого доказательства¹⁵. Современное естествознание в отличие от указанного пути достижения понимания развивается, так сказать, с другого конца. Оно движется не от общих законов, а от отдельных групп явлений, в которых природа уже ответила на экспериментально поставленные вопросы. Установленный закон природы превращается в программу технического применения, способного предсказывать, что получится в результате того или иного эксперимента. Несмотря на указанное различие, сутью понимания, по мнению Гейзенберга, остается оформление закона на строгом, абстрактном языке математики — сведение к простым принципам. Латинский девиз «Простота — печать истины» истолковывается им как способ задания единого, упорядочивающего многообразие явлений природы. Становящийся порядок по мере разветвления фундаментальных абстрактных структур ведет к появлению новых, усложненных и измененных форм, которые, однако, можно считать как бы вариаци-

ями на ту же тему. Это разворачивание абстрактных структур средни, по его мнению, античному определению красоты: «Красота есть правильное согласование частей друг с другом и с целым»¹⁶. Гейзенберг приводит, в частности, пример, как в течение двух столетий ньютоновская механика устанавливала направляющие линии разворачивания понимания проводимых экспериментов, оценки решения отдельных технических проблем, устанавливала масштаб хорошо или плохо были решены поставленные задачи. Она имела не только научное и техническое значение, но и социальное, и этическое — каждый, внося свой небольшой вклад, мог содействовать значительной цели, о ценности которого можно было судить объективно¹⁷. Предпочтения Гейзенберга явно на стороне понимания, возникающего в таком способе задания единого, упорядочивающего многообразие открывающихся в эксперименте связей природы.

Однако он допускает и иное, хотя и оговаривает, что такое познание может оказаться обманчивым. Это непосредственное познание единого, непричастного к понятийному мышлению, возникающее из чистого созерцания. Этот вид понимания исходит, вместо ясных и отчетливых понятий, из насыщенных ярким эмоциональным содержанием образов, символических по форме. Такой вид понимания, как все более становится убежденным Гейзенберг, характерен для неизбежной промежуточной стадии, которую нельзя перескочить и которая подготавливает позднейшее развитие. Стадии, когда красота и завершенность старой физики казались разрушенными, а все попытки — зачастую расходящиеся друг с другом, — уловить очертания нового типа взаимосвязи оставались безуспешными¹⁸. Ощущение понимания возникает из иного рода представлений о красоте (восходящего к Плотину) как о свечении в материальном явлении вечного сияния единого. Как получается, задается им вопрос, что этот проблеск прекрасного в точном естествознании позволяет распознать великую взаимосвязь еще до ее детального понимания, до того, как она может быть рационально доказана?

Соответствующие этому состоянию научного знания понимание и способы объяснения (обусловленные особенностями задания единого) вынуждают язык, на котором идет обсуждение, мимикрировать, принимать двусмысленную форму. «Такой способ формирования языка связан, прежде всего, с основополагающим парадоксом квантовой теории. Всякий эксперимент независимо от того, относится ли он к явлениям повседневной

жизни или атомной физики, необходимо описывать в понятиях классической физики. Понятия классической физики образуют тот изначальный язык, на котором мы планируем опыты и фиксируем их результаты. Мы не в состоянии заменить его другим. Тем не менее, законы природы ограничивают применимость этих понятий так называемыми соотношениями неопределенности»¹⁹.

Н. Бор также в свое время указывал на то, что в атомной физике мы вынуждены пользоваться разными способами описания, исключаящими, но также и дополняющими друг друга. Адекватное же описание процесса достигается в конечном счете только игрой различных образов. Ситуация дополнительности привела к тому, что физик, говоря о событии в мире атомов, нередко довольствуется неточным метафорическим языком и, подобно поэтам, стремится с помощью образов и сравнений подтолкнуть ум слушателя в желательном направлении, а не заставить его с помощью однозначной формулировки точно следовать определенному направлению мысли.

Ситуацию неопределенности, подчеркивает Гейзенберг, «ни в коем случае нельзя понимать просто в смысле незнания истинного положения дел». Существуют промежуточные ситуации в становлении научного знания, для которых остается неопределенным: ложно или истинно некоторое высказывание. Когда научное объяснение и его понимание строится исходя из принципа энтимемы — интеллектуальной дискурсии. Согласно этимологии слова энтимема она содержит в своей структуре аргументацию, чья неполнота, ее недостающие части предполагаются очевидными. Происходит восполнение очевидным, чей статус на научность поддерживается воображением.

Речь идет о тех случаях, которые не укладываются в *описание* экспериментальных ситуаций, в которых действует классическая логика, когда возникает нужда что-нибудь *рассказать* практику о самих атомах или молекулах. В дело идут дотраивающие картину поведения такого рода объектов до необходимой для понимания и объяснения полноты дополнительные смыслообразы, которые «подчиняются» иным законам, законам воображения, которые ориентированы интенцией познания.

Я.Э.Голосовкер в свое время заметил следующее. Мы можем говорить о «науке о микрокосме» как о некоей интеллектуальной мифологии, ибо в ней формальная логика Аристотеля с ее постулатами терпит такое крушение, как и в «логике чудесного» мифа. Парадоксы, которые были ориентированы решать

введенные принципы неопределенности и дополнительности, приобретают научную значимость в том новом мифологическом мире так называемых «интеллектуализированных» объектов, которые возникли в результате новых научных конструкций²⁰. Он утверждал, что «мифологический мир интеллектуализированных объектов есть совокупность новых диалектизированных понятий — предметов, переставших быть вещами — с их функциональным пространством, с их структурами времени. Это мир комплексных элементов (что есть внутреннее противоречие), то есть химических траекторий, негативной энергии, негативной массы, вибрирующих экзистенций, символических субстанций, реальных метафор...». В основе этих видимостей, «якобы вещей», которые дают возможность существовать смыслам в виде образов, лежит так называемое *error fundamentalis* — «основоположное заблуждение». Но для логики чудесного такое ложное основание является не заблуждением, а ее специфической истиной, понимаемой как «абсолютная сила желания или творческой воли»²¹.

Именно воображение, как эмпирическое (эмоционально-чувствующее), так и умозрительное воображение, обеспечивающее целостность предлагаемого объяснения и его понимание, используется в данном случае как *продуктивная* способность познания. Во-первых, для восполнения и заживления «разрывов», которые оставляют между собой обосновывающие процедуры чистого умозрения и логика априорных рассуждений. Во-вторых, продуктивное воображение производит обновление существующих объяснений, существующих на *репродуктивной* способности воображения, воспроизводящей объяснение, на общепринятых основаниях, о которых, например, шла речь выше. И еще, как продуктивное, так и репродуктивное воображение «основывается не на понятиях, а на изображениях, способность же изображения и есть воображение»²². С той лишь разницей, что репродуктивное воображение, по мысли И.Канта, подчиняющееся законам ассоциации, свойственно эмпирическому применению этой способности. А продуктивное и самостоятельное воображение (как создатель произвольных форм возможных созерцаний) очень сильно в созидании как бы другой природы из материала, который ему дает действительная природа.

6. Подчеркнем еще раз важное для дальнейшего развертывания понятия научного дискурса то обстоятельство, что как само объяснение, так и понимание имеют поведенческо-деятельностный, целенаправленный характер, ориентированный

возможностью общения. Тем самым научный дискурс приобретает необходимую меру человеческого в нем присутствия. Можно сказать поэтому, что объяснение состоялось в той степени и мере, насколько оно понято и служит основой для возникновения и проведения общения. В простейшем, идеализированном случае можно сказать, состоявшееся объяснение (система высказываний и суждений, сформированная в результате общения и достигнутого понимания) полностью состоялось, получило поддержку, и общение этим как бы в основном исчерпано.

Тем не менее возникшее объяснение, как правило, одновременно сосуществует, борясь за выживание, за признание научным сообществом, соседствует в «пучке» альтернативных и расходящихся иных объяснений. Состоявшееся объяснение содержит в себе «здоровый» элемент — координацию неустойчивости. Возникшее объяснение стремится поддерживать свою устойчивость через адаптацию к иному, через попытку его присвоения или фальсификации. Этот феномен объяснения Л.Флек называл «физиологией познания». Физиология познания, по его мнению, аналогична физиологии движения. «Каждое движение складывается из двух активных процессов: возбуждения и торможения. В физиологии познания этому соответствует целенаправленная детерминация (предложенным объяснением. — Л.К.) и противоположно направленная абстракция (торможение, сопротивление всего того, что не поддается его объяснению. — Л.К.), дополняющие друг друга»²³. Возникшее объяснение поддерживает свое существование по мере того, как ей удастся ассимилировать новые сигналы сопротивления, подаваемые событиями, не охватываемые предложенной схемой объяснения. И наступает момент, когда она теряет динамику реагирования и освоения нового, ставя ограничения на дальнейшее свое развитие, исчерпав свой объяснительный потенциал²⁴.

Языковая деятельность является областью, в которой синергетическая парадигма находит свое ближайшее выражение и подтверждение способности не только ставить новые или переткрывать старые проблемы, но и предлагать нетрадиционные способы их решения. Рассмотренная с точки зрения синергетики, она сводит воедино язык как набор знаков и систему их описания и язык как деятельность, проявляющаяся в актах речи. Все это делает систему языка в целом открытой и способной к трансформациям. Вводит в него конститутивный признак существования — его тип динамики. «До производства высказыва-

ния язык — всего лишь возможность языка. После производства высказывания язык реализован в данном акте речи, который исходит от говорящего»²⁵.

Иными словами, научный дискурс, воспринятый и представленный как языковая деятельность, дает возможность использовать ресурс языка общения для представления о полноте и особом синергетическом единстве научного дискурса.

7. Но и язык можно увидеть многократно отраженным в гранях научного дискурса при создании нетрадиционных научных форм. Для традиционной методологии среда становления самостоятельного интереса не представляет. Ее ресурсы, как своеобразные «строительные леса» после оформления установившихся норм, отбрасываются, исчерпав свой потенциал проблематизации. Последние, однако, представляют интерес не только сами по себе, но и как «следы», по которым удастся засечь эффекты становления и описать активную среду самоорганизации этих форм непосредственно — в самом акте высказывания.

«В чем состоит тот особый вид существования, которое раскрывается в сказанном и нигде более?», — спрашивает М.Фуко. Поставленный вопрос дает ему возможность пометить в поисках ответа особенность такого типа существования. Он обращает внимание на то, что факт высказывания — «...это надсечка, которую он конструирует, это ни к чему не сводимое — пусть и самое незначительное — становление. ...Высказывание всегда является таким событием, которое ни язык, ни смысл не в состоянии полностью исчерпать». Он продолжает: «Это необычное событие: во-первых, потому, что оно связано с письмом или речевой артикуляцией и, в то же время, раскрывается в самом себе как остаточное существование в поле памяти или материальности манускриптов, книг и вообще любой формы регистрации; во-вторых, потому, что оно остается единым, и, вместе с тем, открытым повторениям, трансформациям, реактивациям; наконец, потому, что определено не только провоцирующей его ситуацией и следствиями, но и (с учетом различных модальностей) теми высказываниями, которые ему предшествуют или его сопровождают»²⁶.

Тот диалог, который строится в реальной практике общения «здесь и теперь», решает проблемы возможности теоретического обоснования сложившейся ситуации локально (case-studies), в виде некоторого первичного обговора, теоретического наброска, вынужден обращаться к такому способу изложения

своего понимания обсуждаемой ситуации, как повествование. Нужда в повествовании возникает в *срывах* классической субстантивированной (предметной) предзаданности, корректируется и заполняется прагматикой контингентности²⁷, договора по поводу здесь и теперь возникающего предмета согласия, предполагающего стремление к пониманию и опирающейся на ответственность, веру и доверие себе и другому.

С этой точки зрения сам научный поиск как целенаправленная деятельность представления научного знания, приобретает несколько иную конфигурацию и требует иного понимания и учета в нем отнюдь нетрадиционных составляющих. Дискурсивно-логическое, аналитическое (теоретическое) в общении существенно пополняется, коррелируется дискурсивно-параалогическим (нарративным).

Повествование осмысляется как особый способ знания, который конкретизирует запас знания, накопленный культурой, представлений общих и сквозных не только для литературы и искусства, но и для науки.

«Однако именно истории и составляют упомянутый социальный запас знаний, вовлекаемый в конструирование научных понятий и теорий. Больше того, не исключено, что проникновению научных представлений в персональное знание по мере социализации личности в большой мере способствует именно то, что первые в свое время были связно рассказаны»²⁸.

Термин «нарратив» обозначает различные формы научного дискурса, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта, их структуры отличает открытость, гибкость, способность к адаптации. «Изучение феномена нарратива предлагает нам переосмыслить вопрос о гераклитовской природе человеческой реальности, поскольку он действует как открытая и способная к изменениям исследовательская рамка, позволяющая нам приблизиться к границам вечно изменяющейся и вечно воссоздающейся реальности. Он предполагает возможность задавать порядок и придавать согласованность опыту фундаментально нестабильного человеческого существования, а также изменять этот порядок и согласованность, когда опыт или его осмысление меняются»²⁹. Нарративное знание — одна из форм коммуникативной рациональности, которая укоренена в опыте, языке, установлениях культуры.

Повествования служат обеспечению связности, согласованности и координации опыта научного знания, наряду с другими формами человеческого опыта (религиозного, психотерапевтического и др.), в рамках одной композиции, заданной конкретным, однако общим для всех случаев применения. Универсальность научного дискурса контекстуализируется условиями уникального рассказанного случая, вводя в его присутствие действие языка, акта высказывания. Такой разворот языка вводит в научный дискурс сопричастие и некоторого рода динамику соотношений между состоявшимся объяснением, его пониманием (система высказываний законченного вида — текст, повествование) и актом высказывания (который в известной мере и лишь очень условно предшествует высказыванию и не является единичным по форме) как он складывается в общении. А сам научный дискурс подводит к границам, особенно в той его части, которая складывается в междисциплинарном диалоге в современной науке, освоения новых проблемно-ориентированных областей, возникающих на стыках традиционно разведенных предметных дисциплин.

Учет этого обстоятельства делает дискурсивную практику научного общения, с одной стороны, **одновременно, организующим** началом, особого рода деятельностью, преследующую цель сведения в единство всех факторов, участвующих в этом процессе (описывая положения дел, существующие мнения относительно средств и способов решения, возникающие выводы и т.п.). А с другой стороны, научный дискурс занят одновременно **самоорганизацией**, нацеленной на **самоподдержание** и **адаптацию его** к окружающей среде. **Одновременность** в языке общения указанных составляющих делает его целостным явлением, но нельзя не отметить, что как осознание, так и рассмотрение этой одновременной уместности затруднено и поддается лишь последовательному разворачиванию.

Другими словами, **двуспектность языка общения любого вида**, с одной стороны, позволяет рассматривать **акт** высказывания как организующее начало более формально и делает сопоставимым с формальной целесообразностью, правилами построения **высказывания** как такового. А с другой стороны, он же дает возможность его представить как синергетику правил общения, совместное действие, определяемое мотивами, предпочтениями участников коммуникативного действия.

8. Но есть еще одно немаловажное обстоятельство. Речевая практика научного общения, язык дискурса, *отвечает* также и за «выявляющее обнаружение», за переход и выход чего бы ни было из несуществующего к присутствию³⁰. Язык дискурса, существуя в пространстве пограничной зоны в режиме высказанного и невысказанного, выступает как порождающее начало (причина) творчества, делания (поэзиса). Он в ответе за произведение, за «выявляющее обнаружение» нового.

Поэтическое преступление (переступание) границ одновременно занято новой локализацией, движением границ, в пространстве пограничной зоны высказанного и невысказанного. Поэтическое преступление является делом продуктивного воображения. П.Рикер соотносит продуктивное воображение со схематизмом, отвечающим за семантическую инновацию двоякого рода. Во-первых, продуктивное воображение путем предикативной ассимиляции в процессе создания метафоры способно порождать новые логические роды, преодолевая сопротивление общеупотребительных категоризаций языка, а во-вторых, создавать новое соответствие в строе событий, в повествовании. Причем как первое, так и второе, соотносимые П.Рикером с проявлением рациональности, интеллигентности, имеет целью скорее имитировать на высшем уровне метаязыка укорененное в схематизме *понимание* (выделенное Л.К.), которое укоренено в области усвоения языковой практики — как поэтической, так и повествовательной. В обоих случаях речь идет об объяснении — исходя из поэтического понимания, — как из автономии этих рациональных дисциплин, так и их родства — прямого или косвенного, близкого или далекого³¹.

Мифопоэтическое рассуждение Рикера о способах возникновения и существования исторических или вымышленных повествований, как может показаться на первый взгляд, непосредственно не касается научного дискурса, об особенностях которого шла речь выше. Однако если исходить из сложившейся ситуации в современной философии и практике языка, научный язык, язык научного дискурса не может более быть отлучен от осознания тех процессов, которые происходят при самоорганизации языка, когда он попадает в зону пограничного режима и начинает заниматься творческой работой по ее переустройству.

И это не случайно, что учет синергетики языка в становлении современного научного дискурса выявляет новую конфигурацию в расположении традиционного пространства языка на-

уки. Наведение определенного порядка в языке науки, как оказалось, зависит не только и не столько от употребления строгих и однозначных понятий, логически непротиворечивых определений терминов. Такой порядок привел бы к «остановке природы» (Аристотель). Порядок языка науки зависит также от таких структур языка, которые возникают «например, благодаря ассоциации между определенными промежуточными значениями слов. Тот факт, что любое слово может вызвать в нашем мышлении многие, только наполовину осознаваемые движения, может быть использован для того, чтобы выразить с помощью языка определенные стороны действительности более отчетливо, чем это было бы возможно с помощью логической схемы»³².

9. «Всякое общение есть перевод» (Новалис), удостоверяющий прежде всего границы, в рамках которых возможно движение навстречу друг другу. Анализ отношений, как они складываются в среде языковой деятельности между общим и особенным, научным и ненаучным, когнитивным и прагматическим, рефлексивным и нерефлексивным, наблюдаемым и ненаблюдаемым, истиной и контингентностью, продуктивным и репродуктивным воображением, текстом и контекстом, высказанным и невысказанным, причинностью и целеполаганием, и т.п., проходил в границах предельных допущений в связи с особенностями становления современного научного дискурса.

Границы предельных допущений совместным образом организуют пространство (переводимость) между ними, пространство, в котором только и может случиться мифопоэзис научного дискурса — движение к новому смыслу. В этом языковом пространстве возникает особый тип отношений между словами и вещами, которые находят свое выражение в практике коммуникативного общения. Общим же для них является, как некий инвариант, то, что они находятся в обратной зависимости от существования медиативной среды между ними, снимающей их противопоставленность. То, что может быть представлено как перевод, понимаемый достаточно широко, как истолкование.

10. «Прививка» мифа к процессу становления современного научного дискурса случается через язык, обнажая древнюю генетическую связь между мифом и научным знанием. Посреднический успех языка в этом не завершаемом процессе указывает на подобие структур, которые лежат в основе и языка, и мифа. Оба заняты приведением в единство многообразия окружающего мира. И язык, и миф приводят к созданию некоторой реаль-

ности. Оба обладают способностью совмещать общее с особенным, делать возможным представлять индивидуальный способ отношения к миру, как общий.

Ведь по сути язык науки, ориентированный на теоретическое, систематическое изложение объяснительных процедур, не отделим от возможности обосновывающей интерпретации, понимания в каждом отдельном случае его применения. Обосновывающих интерпретаций и понимания всегда «больше», чем одна, как и случаев применения схем объяснения. Проблема «наладки» научного дискурса, которая включает упорядочивание предлагаемых процедур, схем объяснения и соответствующих им интерпретаций, является актуальным моментом перманентной самоорганизации, самонастройки научного знания, которая не может обойтись без обращения к языку.

Миф через язык и с его помощью обнаруживается в науке, когда внимание обращено на ситуацию становления научного знания, на динамику способов фиксации этого становления. Когда язык научного дискурса одновременно, находясь в стадии становления, занят его оформлением. «Миф есть составная часть языковой деятельности; он передается словами, он целиком входит в сферу высказывания», — говорит К.Леви-Строс. Эта двойственная структура мифа, историческая и вместе с тем внеисторическая, объясняет, каким образом миф может соотноситься и с речью (и в качестве таковой подвергаться анализу), и языком (на котором он излагается). Главное, что мы должны признать, что миф подобно языку есть и внутриязыковое и внеязыковое, явление. Да, К.Леви-Строс продолжает, «... миф — это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удастся, если так можно выразиться, *отделиться* от языковой основы, на которой он сложился»³³. И выступить моделью человеческого поведения, его поступков (объяснения, понимания, общения), лежащих в основе коммуникативных практик.

Научный дискурс в том его расширенном понимании и значении, который позволяет учитывать то, что традиционно выводилось за его рамки — проблему говорящего субъекта и акт производства высказывания, можно рассматривать как порождающую модель, представляющую мифопоэтическую функцию современного научного познания.

При этом не забыто замечание А.Ф.Лосева, что «миф является порождающей моделью, но не всякая порождающая модель есть миф»³⁴. В этом замечании-предостережении А.Ф.Лосева

можно услышать то, что, по его мнению, помогает «окончательно разгадать миф». А именно порождающая модель становится мифом, то есть миф возникает «только в тот момент, когда выражаемая идея чего-нибудь и выражающая материя не просто отражают одно другое и не просто присутствуют одно в другом, но совпадают в одном нераздельном тождестве»³⁵. В таком толковании мифа можно услышать одно из представлений о самом языке, и как я пыталась показать, оно обнаруживается в строении современного научного дискурса. Современный научный дискурс совмещает в себе как идеальное, так и материальное, умопостигаемое и чувствующее, как выражающее, так и выражаемое и тому подобные дихотомии. Причем любая из возможных дихотомий, представляющая язык, как было уже отмечено, будет вторичным образованием, возникшим из ее первичной нерасчлененности в языке, языка как такового, языка, способного к представлению живой полноты мира, не исчерпываемого никакой мыслью.

10. Современный научный дискурс в таком его расширенном понимании предстает как сложное коммуникативное явление. В широком смысле этого слова к нему применимо то, что дискурс «является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога. Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию»³⁶. Научный дискурс включает помимо текста, оформляющего результаты научного исследования, например, в виде теории или некоторого фрагмента научной области знания, еще и неязыковые факторы (контекстное, явное или неявное знание о мире, о данной конкретной ситуации, мнения, установки и цели участников обсуждения). При таком подходе научный дискурс предстает как комплексное, сложно организующееся явление, которое возникает и формируется как целостная, но гетерогенная структура деятельности, в разной степени поддающаяся теоретической обработке. Его представление требует учета как общей его орга-

низации, так и специфических свойств, возникающих по случаю его применения. В этом случае о единстве коммуникативного действия можно говорить лишь как о функциональном единстве. Важно здесь не разнообразие средств, а их уместность, соответствие цели — решению возникшей проблемы.

Анализ становления современного научного дискурса дает возможность отследить эволюцию способов мифологических представлений, чья история отнюдь не закончилась.

Примечания

- 1 *Антоновский А.Ю.* О специфике мифологической ориентации // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999. С. 154.
- 2 Там же. С. 151.
- 3 *Депперт В.* Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999. С. 188.
- 4 *Хюбнер К.* Истина мифа. М., 1966. С. 387.
- 5 *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М., 1987. С. 212-213.
- 6 Там же. С. 173.
- 7 *Ахутин А.В.* Понятие «природа» в античности и в Новое время. М., 1988. С. 183.
- 8 Там же.
- 9 *Хюбнер К.* Истина мифа. М., 1997. С. 17.
- 10 Более подробно об этом см.: *Киященко Л.П.* В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка). М., 2000.
- 11 *Кассирер Э.* Язык // *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 592.
- 12 *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986.
- 13 *Аршинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. С. 4.
- 14 *Юдин Б.Г.* Объяснение и понимание в научном познании // *Вопр. философии.* 1980. № 9. С. 57.
- 15 *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. С. 113.
- 16 Там же. С. 276.
- 17 Там же. С. 277.
- 18 Там же. С. 281.
- 19 Там же. С. 218.
- 20 *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М., 1987. С. 70.
- 21 Там же. С. 71-73.
- 22 *Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 5. С. 236.
- 23 *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999. С. 57.
- 24 Там же. С. 106.
- 25 Veneniste E. Problemes de linguistique generale. Т. 2. Р. 81.
- 26 *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996. С. 30.
- 27 См. об этом статью М.Лебедева «Нелинейность эпистемологического обоснования» в этой книге.
- 28 *Трубина Е.Г.* Повествование и наука: от альтернативности к симбиозу // Альтернативные миры знания. СПб., 2000. С. 143-144.
- 29 *Брокмейер И., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопр. философии.* 2000. № 3. С. 39.
- 30 *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Время и бытие: Статьи и выступления.* М., 1993. С. 224.
- 31 *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1. С. 7-8.
- 32 *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М., 1989. С. 106.

³³ *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983. С. 185-187.

³⁴ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Кн. 2. М., 1988. С. 173.

³⁵ Там же. С. 204.

³⁶ *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 121-122.